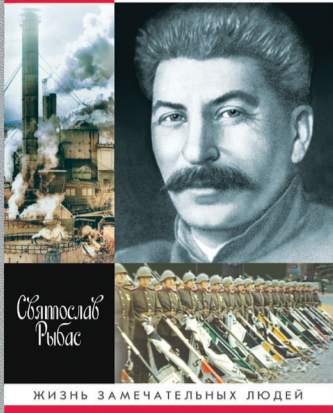
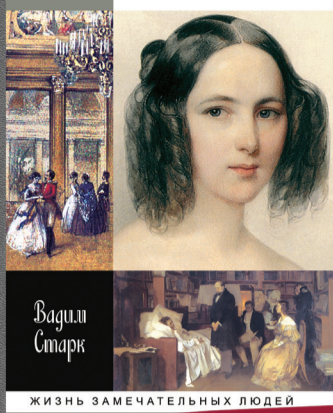

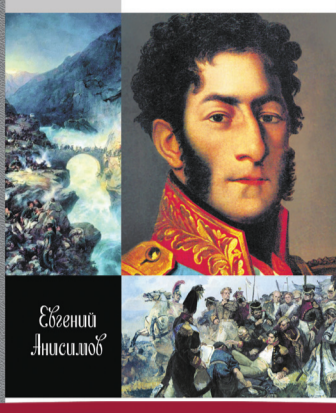
СТАЛИН

НАТАЛЬЯ ГОНЧАРОВА

БАГРАТИОН

АННА КЕРН

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ

ВСЕЛЕННАЯ ЖЗЛ

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой всё особое, свое,
И нет планет, похожих на нее.*

Е. Евтушенко

ГАЗЕТА ИЗДАТЕЛЬСТВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
СЕНТЯБРЬ 2009 № 1 (1)

ЛЮБИТЕЛЯМ ИСТОРИИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БИОГРАФИЧЕСКОГО ЖАНРА

ОТ РЕДАКЦИИ *стр. 2*

Валентин ЮРКИН,
генеральный директор
ОАО «Молодая гвардия»

*...Серия наша давно уже
перестала быть некой «дос-
кой почета».*

НАШИ НОВИНКИ *стр. 3*

В. Старк
НАТАЛЬЯ ГОНЧАРОВА
А. Карлов
КНЯГИНЯ ОЛЬГА
Д. Олейников
БЕНКЕНДОРФ
Е. Анисимов
ГЕНЕРАЛ БАГРАТИОН
И. Князький
КАЛИГУЛА

КНИГА-СОБЫТИЕ *стр. 6*

Дмитрий Быков
«ОКУДЖАВА»

*...Культ двора стал об-
щим местом шестидесятни-
ческой мифологии именно
потому, что это был послед-
ний бастион, противопос-
тавленный официозу.*

НЕИЗВЕСТНОЕ
ОБ ИЗВЕСТНЫХ *стр. 7*

*...Ласкеру показалось, что
конь его противника вско-
чил к нему на нос и сделал
одновременно шах правому и
левому глазу.*

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ПОРТРЕТ *стр. 4*

*...Один граф Милорадо-
вич смел бестрепетно выска-
зывать свои убеждения и
противиться всякому неза-
конному поползновению. Он
держал в своих руках судьбу
России и спас столицу от об-
щего и всенародного возму-
щения, которое непременно
бы вспыхнуло, если б тотчас
после кончины Александра
потребована была присяга
Николаю.*

ЖЕМЧУЖИНЫ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО
САМОТЕКА *стр. 8*

*...Он овладел мною в купе
скорого поезда... сославшись
на лунатизм.*

Валентин ЮРКИН,
генеральный директор
ОАО «Молодая гвардия»

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Книги — «это лекарство против ограниченности, самодовольства, нравственного тупика». Таблетка от тупости.

Ирина Одоевцева

Дорогие друзья!

Такое обращение — совсем не дань формальной вежливости. Оно рождено особым дружеским, можно сказать — родственным, чувством, которое возникает друг к другу у всех нас, у людей, так или иначе связанных с бескрайней Вселенной серии «Жизнь замечательных людей».

Наши друзья — это коллекционеры, собиратели книг уникального проекта, продолжающего уже более столетия; это сотрудники библиотек, бережно сохраняющие издания прошлых лет; это подвижники книжных магазинов, предпочитающие продвигать в читательские массы не «коммерческое» чтиво, а подлинную литературу; это наши выдающиеся авторы, обеспечивающие непревзойденное качество книг... Это также и старшекласники, и студенты — молодые люди, ищущие ответ на вопрос: «С кого делать жизнь?», это вообще все читатели и, конечно, мы са-

тех, кому интересно все, что связано с творческими планами, историей и современной деятельностью этого культурного феномена.

Да, феномена, потому как в 2010 году «ЖЗЛ» исполнится 120 лет, и ни одна книжная серия подобным долголетием не отличается. Эта долгая история изобилует многими увлекательными, драматическими, комическими и иными эпизодами, о которых мы планируем рассказывать, чтобы действительно ввести вас в нашу Вселенную.

Серия, выходящая с 1890 года, пережила две мировые войны, претерпела все политические коллизии, существовала при различных общественно-политических формациях. Однако она остается востребованной и, нет сомнения, имеет большое будущее. Книги этого проекта соединили три столетия: XIX—XX—XXI века, составив подлинную эстафету поколений!

Общее число изданий на-

рой Древнего мира, Средневековья и современности; в этой библиотеке представлены герои, известные и замечательные люди большинства стран и народов — политические деятели и реформаторы, полководцы и воины, мыслители и литераторы, ученые и изобретатели, религиозные и культурные деятели, меценаты,

«патриарха биографического жанра» Николая Ивановича Павленко — лучшего знатока эпохи Петра Великого, автора десятка изданных нами книг!

Примечательная деталь последнего времени: Президент России, поздравляя кого-либо из писателей-юбиляров, обязательно отмечает, если тот был автором одной или не-

Серия наша давно уже перестала быть некой «доской почета».

спортсмены...

Конечно, мы помним о двух основоположниках серии — издателе Флорентии Павленкове и писателе Максиме Горьком: в серии «ЖЗЛ» благодарное издательство не так давно выпустило книги «Павленков» и «Горький».

Между тем выход иных книг может представлять собой целую историю.

Например, острый интерес до сих пор вызывают взаимоотношения вождя Иосифа Сталина и писателя Михаила Булгакова — в частности, история и загадка создания Михаилом Афанасьевичем биографии Мольера.

Интрига может быть скрытой: так, в 60-е годы прошлого столетия в издательстве «Молодая гвардия» регулярно выходили книги серии «ЖЗЛ», посвященные героям освободительной борьбы в странах Латинской Америки — некий И. Лаврецкий, улыбчивый, очень общительный человек, выпустил биографии «Боливар», «Альенде», «Че Гевара» и другие. Но только через десятилетия мы узнали, что столь знакомый нам автор был разведчиком-нелегалом с исключительной даже для этой профессии судьбой. Достаточно сказать, что Иосиф Григулевич — это подлинная фамилия «Лаврецкого», дослужился до чина Чрезвычайного и Полномочного Посла «своего» государства, стал другом многих натовских генералов, был вхож в Ватикан. Находясь с 1930-х годов в различных странах Латинской Америки, Иосиф Романович внес огромный вклад в достижение победы над фашизмом. Так что в 2002 году в серии «ЖЗЛ» вышла биография «Григулевич», с интригующим подзаголовком: «Разведчик, которому везло».

Коснувшись военной темы, надо вспомнить о работе нашего издательства во время Великой Отечественной войны — серия «ЖЗЛ» тогда трансформировалась в цикл брошюр «Великие русские люди»: книжечки об Александре Невском, генералиссимусе Суворове, фельдмаршале Кутузове, выдающихся ученых И. П. Павлове, К. А. Тимирязеве и других наших замечательных соотечественниках. Вышло 24 издания тиражом по 25—30 тысяч экземпляров, которые отсылались на фронт. Осознание принадлежности к великому народу рождало героев.

Надо заметить, что и сегодня почти каждый молодогвардейский автор представляет собой выдающийся пример творцов книги. Стоит назвать лишь

скольких биографий серии «ЖЗЛ». Так было со Станиславом Куняевым — автором книги о Сергее Есенине, Юрием Лощицем — автором книг о Дмитрии Донском и об Иване Гончарове.

Несмотря на свой более чем почтенный возраст, «ЖЗЛ» не стоит на месте. Традиции у нас есть — высочайшее качество отработки материала, достоверность предлагаемых документов и фактов, хороший литературный уровень книги.

Между тем выход иных книг может представлять собой целую историю.

Однако серия наша давно уже перестала быть некой «доской почета», куда в первую очередь отбирались «прогрессивные деятели», «пламенные революционеры», где доминировали классовый подход и четкая полярность оценок. Сегодня мы как бы вернулись к исконному значению слова «замечательный»: то есть заметный, приметный, достойный внимания. А потому в серии вышли ранее немыслимые для нас книги «Анна Иоанновна», «Аракчеев», «Бирон», «Петр III», «Распутин» и многие другие, открывающие позабытые страницы истории. Они вызвали воистину ажиотажный читательский интерес...

Пять лет назад издательство начало новую серию «ЖЗЛ: Биография продолжается...» — проект о наших современниках. Читателям были предложены книги о разных людях — Герое Советского Союза Б. В. Громова, футбольном тренере В. Г. Газзаеве, бывшем премьер-министре России С. В. Степашине. Ин-

Престижно, почетно. Но ведь и ответственность — как наша, так и наших героев — перед обществом какова!

терес вызвали биографии Александра Солженицына и Фиделя Кастро...

Можно сказать, «дочерняя серия» «ЖЗЛ» обрела право на самостоятельное существование. В этом цикле выходят и будут выходить книги о самых разных известных людях, которые интересны нашим современникам. Престижно, почетно. Но ведь и ответственность — как наша, так и наших героев — перед обществом какова! Ведь наши книги имеются в библиотеке Президента России, во многих книгохранилищах России и за рубежом, буквально в каждом доме, где живет «Homo Legens» — «Человек Читающий», то есть человек культурный.

В числе почитателей и собирателей книг нашей серии множество самых разных людей. Когда в издательстве проходила встреча с ныне ушедшим Чингизом Айтматовым, то он рассказал, что, собираясь в Брюссель послом, взял чемодан, плотно забитый нашими книгами. Николай Иванович Рыжков, попечитель и организатор большой библиотеки на Прохоровском поле, рассказывал нам, что в его личной библиотеке свыше 800 томов «ЖЗЛ»...

Все то, о чем я рассказываю, будет отражаться на страницах газеты «Вселенная ЖЗЛ», цель которой дать читателю наиболее полное и всестороннее представление о нашей серии, помочь найти и выбрать наиболее интересные и нужные именно для него книги. Обратная связь «читатель — газета» поможет и нам в корректировке издательской политики, выборе героев для новых книг.

Однако кроме серии

«ЖЗЛ» «Молодая гвардия» осуществляет еще и десяток других проектов и направлений, о чем мы тоже будем информировать наших друзей. Сегодня в числе наших изданий — библиотека «Живая история: Повседневная жизнь человечества», которая насчитывает уже порядка ста томов и постоянно пополняется. Мы расскажем вам также о книгах серии «Дело №...», молодогвардейской поэтической подборке «Золотой жираф»... Новая газета имеет все возможности стать надежным и верным читательским компасом в море книг издательства «Молодая гвардия». И все же, как явствует из названия, основной будет серия «ЖЗЛ» — «визитная карточка» нашего издательства.

Мы хотим, чтобы вы тоже рассказали нам о различных историях, связанных с вашей библиотекой, о влиянии книг на вашу жизнь, о судьбах и приключениях отдельных экземпляров книг. Ваши идеи, предложения, отклики, заме-

чания, критика — всё это будет полезно для нашего общения. Присылайте свои отзывы на форум сайта «Молодой гвардии» — dsel@gvardia.ru или пишите по адресу — 127994, Москва, Суцеская ул., 21.

Главное — наше общение, общение на любую тему: тему книги, тему биографии великих людей, тему духовного развития страны!

Так что до новых встреч!

Искренне ваш —

ми — издатели, полиграфисты.

Издательство «Молодая гвардия» решило наладить постоянную двустороннюю связь с вами — выпустить газету для

шей серии превысило 1300 томов, в ней отражается 1000 лет русской цивилизации и 5000 лет мировой истории. Персоналиями книг оказываются ге-

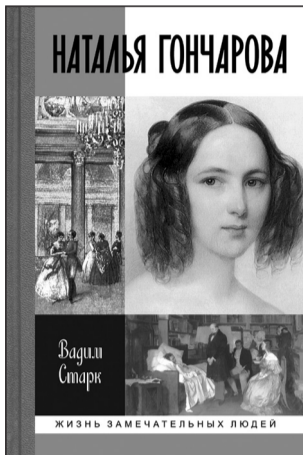
Сегодня мы представляем несколько книг, которые подготовлены издательством «Молодая гвардия» к выходу в серии «Жизнь замечательных людей». Их герои замечательны — в смысле известны — своими делами, далеко не все из которых заслуживают, говоря современным языком, положительной оценки. Однако имена этих людей принадлежат истории, а потому читатели имеют право знать, кто это были и чем они заслужили право на бессмертие.

Кружевная душа или рыжая мадонна?

В. П. Старк «Наталья Гончарова»

Все, кто знал Наталью Гончарову, сходились в одном: она была изумительной красавицей. Светские дамы ревниво следили за ее успехами. Сплетники злословили по поводу ее отношений с Дантесом, приписывали ей равнодушие и черствость, называя «кружевной душой». Многие считали и продолжают считать ее виновницей гибели Пушкина; между тем она много лет хранила память о нем и умерла с его именем на устах. Сам Александр Сергеевич называл Натали не только своей «рыжей мадонной», но также «жёнкой» и «бой-бабой». Она воспитала

семерых собственных и троих приемных детей. Жизнь Натальи Николаевны, в 18 лет ставшей женой первого поэта России, а в 24 года оставшейся вдовой, по сей день вызывает споры и рождает мифы. Книга доктора филологии Вадима Старка рассказывает о женщине, ставшей источником вдохновения для Пушкина, о ее истинной роли в истории роковой дуэли, о дальнейшей судьбе той, кому поэт писал: «С твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете — а душу твою люблю я еще более твоего лица».

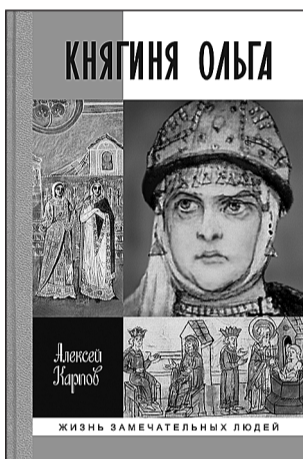

Первая государыня Руси

А. Ю. Карпов «Княгиня Ольга»

Эта книга посвящена биографии великой киевской княгини — святой Ольги, первой на Руси правительницы-христианки. Летописные и другие сведения об этой необыкновенной женщине настолько украшены легендой, что порой трудно указать границу, где кончается историческая правда и начинается вымысел. Даже само ее имя в летописи читается по-разному: Ольга, Вольга, Волга... Еще известно, что она отличалась необыкновенной красотой и умом, что до замужества с великим князем Киевским Игорем была перевозчицей, а после святого крещения приняла христианское имя Елена.

убийство своего мужа, предав огню город Искоростень и перебрав большую часть его населения. Остался в памяти народной и ее визит в Царьград — Константинополь, к византийскому императору. Об этом, а также о других страницах жизни святой княгини Ольги и повествует новая книга Алексея Карпова. Вместе с вышедшими ранее в серии «Жизнь замечательных людей» биографиями великих киевских князей Владимира Святого и Ярослава Мудрого она образует своего рода трилогию, в центре которой — Крещение Руси и образование Древнерусского государства. В приложении к книге печатаются ранние редакции Жития княгини Ольги. Некоторые тексты впервые введены автором в научный оборот.

Жандарм Его Величества

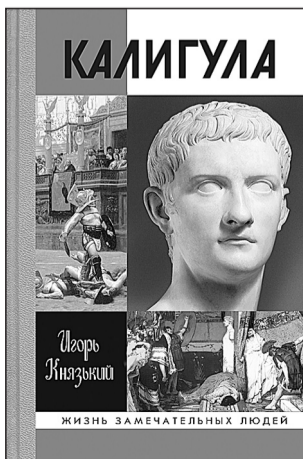
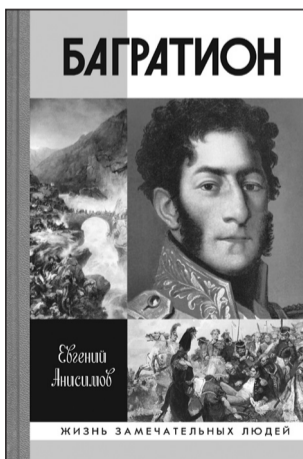
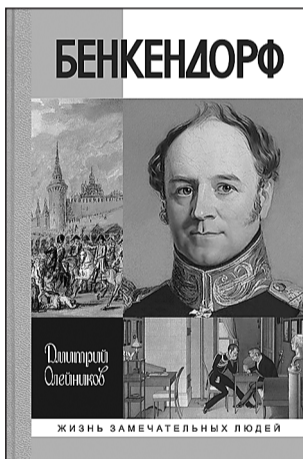
Д. И. Олейников «Бенкендорф»

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ... — так в 1841 году писал Михаил Юрьевич Лермонтов, навсегда уезжая на Кавказ.

Подобные мундиры в то время носили жандармы — служащие «высшей», политической полиции. Если обратиться к «Толковому словарю» Владимира Ивановича Даля, то можно узнать, что этот цвет именовался также «лазоревым». А потому в обществе, за глаза, называли главного российского жандарма — генерала от кавалерии графа Александра Христофоровича Бенкендорфа «лазоревым графом».

Граф Бенкендорф слишком долго играл роль антигероя отечественной истории. Историки и литературоведы, писатели и сценаристы щедро наделяли его всевозможными отрицательными чертами, напрочь отказывая в элементарном бла-

городстве, чувстве сострадания и даже чести. Неудивительно: слишком многим известным людям сумел «насолить» Александр Христофорович, будучи шефом Корпуса жандармов. Поэтому, наверное, за полтора века не было написано ни одной заслуживающей внимания его биографии, а значительная часть мемуаров Бенкендорфа заросла архивной пылью. Очень зря! Блистательный офицер блистательного лейб-гвардии Семеновского полка, юный флигель-адъютант императора Павла I, кавалер боевых орденов Святого Георгия IV и III степени (отмечаем это потому, что в его времена могли дать сразу и III степень — так что подвигов было два), участник и герой многих войн, разведчик и партизан в эпоху Отечественной войны и Заграничных походов, генерал в 31 год от рождения, освободитель Нидерландов от наполеоновского владычества, недолго — масон, гене-

рал-адъютант Александра I... Уже весьма интересно! А потом еще — шеф Корпуса жандармов и начальник Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, член Государственного совета и Комитета министров, кавалер всех высших орденов империи и многих иностранных наград.

Граф попытался создать государственный механизм борьбы с коррупцией и казнокрадством; он был личным другом как императора Николая Павловича, так и будущего декабриста князя Сергея Волконского; ходатайствовал за Пушкина и Гоголя, горячо защищал Лермонтова; он увел любовницу у Наполеона и пережил трагический роман с той женщиной, которой Тютчев посвятил известнейшее «Я встретил вас...».

Книга историка Дмитрия

Олейникова правдиво и объективно рассказывает о том, как жил, воевал, путешествовал, любил и — главное — как служил Отечеству граф Александр Христофорович Бенкендорф.

...Что характерно, в последние годы в серии «ЖЗЛ» вышло уже немало книг, посвященных «фигурам умолчания» российской истории — императрица Анна Иоанновна, герцог Э. И. Бирон, низложенные императоры Иван Антонович и Петр III, цесаревич Алексей Петрович, всеильный «временщик» граф А. А. Аракчеев, блистательный военачальник граф М. А. Милорадович, зловещий «старец» Распутин... Об этих людях можно спорить, однако бесспорно одно: знакомство с их биографиями существенно обогащает и расширяет наши знания собственной истории.

Герой двух народов

Е. В. Анисимов «Багратион»

Потомок древних грузинских царей Петр Иванович Багратион занимает почетное место в пантеоне боевой славы России. Любимый ученик Суворова, он был участником всех крупных военных кампаний своего времени, прославился во многих битвах и скончался от раны, полученной в Бородинском сражении. Перед смертью он писал императору Александру I: «Я довольно не легко ранен... но ни малейше не сожалею о сём, быв всегда готов пожертвовать и последнюю каплю моей крови на защиту отечества».

Отчаянно храбрый, великодушный и щедрый Багратион пользовался громадной популярностью в армии и в российском обществе. Как военачальника суворовской школы его отличали умение быстро ориентироваться в сложной боевой обстановке, стремление воевать не числом, а умением, забота о солдатах, их здоровье и быте. Даже его противник

Наполеон говорил о нем: «Генералов хороших у России нет, кроме одного Багратиона». Биография генерала Багратиона неотделима от истории России и Грузии конца XVIII — начала XIX века. Между тем его личная, частная жизнь известна совсем не так хорошо. Мы не знаем точно, когда и где он родился, как начал военную службу, которой отдал без остатка всю свою жизнь. Немало загадок и в истории его взаимоотношений с царской семьей, особенно с великой княжной Екатериной Павловной, хотя именно здесь, как считают, таятся причины опалы, постигшей Багратиона незадолго до рокового 1812 года. О вехах жизни П. И. Багратиона, полководца и человека, а также об истории России его времени рассказывает в своей новой книге известный российский историк, постоянный автор серии «Жизнь замечательных людей» Е. Анисимов.

Безумный император

И. О. Князький «Калигула»

Вспомним пушкинское:

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами...

И еще известен конь, которого Калигула привел в римский сенат.

Это, пожалуй, все, что знаем мы про римского императора Гая Цезаря Германика, по прозвищу Калигула. Порочный, сумасбродный, непредсказуемый человек, бессмысленный жестокий тиран, кровавый деспот... Кажется, нет таких отрицательных качеств, которыми бы он не обладал — недаром же ни у античных, ни у современных историков не

нашлось для этого человека ни одного доброго слова.

Даже свой, пожалуй, единственный дар — красноречие — Калигула в основном использовал для того, чтобы оскорблять и унижать достойных людей.

Тем не менее автор данной книги доктор исторических наук, профессор И. О. Князький не ставил себе целью описывать лишь непристойные забавы и кровавые расправы бездарного правителя, а постарался проследить историю того, как сын достойнейших римлян стал худшим из римских императоров.

Маршруты ЖЗЛ

Москва—Берлин—Пекин—Париж—Каракас—Гавана

«Родоначальники» первенствуют далеко не всегда. Тот факт, что лучший фильм о знаменитом английском сыщике Шерлоке Холмсе снят не у него на родине, а в России, общеизвестен. Блистательно актерскому тандему Ливанов — Соломин безоговорочно отдают пальму первенства в том числе и в Великобритании. Значительно меньше известен тот факт, что лучшая из бесчисленного количества биографий Иммануила Канта написана вовсе не немцем, а нашим соотечественником Арсением Гулыгой, сумевшим блистательно просто и доходчиво поведать о вещах куда как сложных. Это не частное мнение, а результат серьезного научного опроса в самой Германии. Стоит ли добавлять, что биография «великого кёнигсбергца» была написана А. Гулыгой именно для «ЖЗЛ».

Не удивительно, что наша книга многократно переиздавалась не только на европейском пространстве, но и, например, в Китае.

Тем фактом, что многие книги «ЖЗЛ» сразу после выхода их в свет переводились на иностранные языки, никого не удивишь. Но был в биографии серии уникальный случай, когда французское издание вышло даже раньше российского. Можно было бы погрустить, что парижское издательство «Файяр» опередило «Молодую гвардию», когда бы не одно важное обстоятельство: французы выпустили в свет сильно сокращенную версию книги. По сему настоятельно советуем не только нашим соотечественникам, но и французам читать и слушать блистательный труд А. М. Пескова «Павел I», выдержавший уже несколько печатных изданий, а также выпущенный «Молодой гвардией» в аудиоформате, только на языке оригинала.

Рекордсменом «супермарафона» (по суше, морю и воздуху) сразу же после своего появления стала книга Максима Макарычева «Фидель Кастро» (серия «ЖЗЛ: Биография продолжается...»). Уже через несколько дней после выхода из печати она была подарена вице-премьером Игорем Сечиным президенту Венесуэлы Уго Чавесу, которому подарок очень понравился. Венесуэльский лидер пообещал, что уже через несколько дней, когда будет на Кубе, покажет эту книгу Фиделю Кастро. Не можем не обратить внимание читателей на особую ценность молодого гвардейских книг: даже лидеры государств не позволяют себе передаривать наши книги, а лишь показывают их своим кумирам. Bravo, господин президент! Думаем, что не за горами и Ваша биография в той же серии!

«Недели за две до 14-го декабря у князя Шаховского были в гостях граф М. А. Милорадович и А. И. Якубович. В то же время к князю пришла старушка немка Кирхгоф, мастерица гадать в карты. Сидя с девицами у чайного стола, она по их просьбе гадала <...>. Говор девиц привлек в столовую графа Милорадовича. Он шутил припугнул ворожею, сказав, что вышлет ее с жандармами из столицы; потом попросил разложить ему карты, бросив ей на стол 25 руб. ассигнацией. Гадальщица повиновалась и затем объявила, что не смеет сказать графу его будущего из боязни его испугать. Это рассмешило его, и он настойчиво требовал ответа. Тогда ворожея попросила его выйти в другую комнату. Граф исполнил ее желание, она что-то долго говорила ему и возвратилась к нам взволнованная. Немного погодя, когда в столовую вошел граф, мы все приступили к нему, прося, чтобы он нам объявил, что сказала ему ворожея. Он смеясь сказал: "Вообрази-

В те дни Пушкин, сменивший южные края на псковское село Михайловское, писал вернувшемуся уже в Петербург полковнику Катенину:

«...Как поэт, радуюсь восшествию на престол Константина I. В нем очень много романтизма; бурная его молодость, походы с Суворовым, вражда с немцем Баркляем напоминают Генриха V. К тому же он умен, а с умными людьми все как-то лучше; словом, я надеюсь от него много хорошего».

К Николаю Павловичу отношение было противоположное.

«Граф Милорадович имел роковую неосторожность сказать великому князю, что он не ручается за спокойствие столицы, если будет объявлена присяга его высочеству, при молвля: "Вы сами изволите знать, как Вас не любят"».

Впрочем, не все было столь однозначно, как сейчас может казаться.

«Константин в течение последних лет пребывал в Варшаве, сделался почти чужим для

взыскивал один, ибо что я по долгу совести порочил, дозволялось везде даже моими начальниками. Положение было самое трудное; действовать иначе было противно моей совести и долгу; но сим я явно ставил и начальников и подчиненных против себя, тем более что меня не знали, и многие или не понимали, или не хотели понимать».

«Оба великие князя друг перед другом соперничали в ученье и мученье солдат. Великий князь Николай даже по вечерам требовал к себе во дворец команды человек по 40 старых ефрейторов; там зажигались свечи, люстры, лампы, и его высочество изволил заниматься ружейными приемами и маршировкой по гладко натертому паркету. Не раз случалось, что великая княгиня Александра Федоровна, тогда еще в цвете лет, в угоду своему супругу, становилась на правый фланг с боку какого-нибудь 13-вершкового усача-гренадера и маршировала, вытягивая носки».

О том, какую роль сыграл в судьбе русской армии и всей Российской империи генерал от инфантерии граф Михаил Андреевич Милорадович, современному читателю практически неизвестно.

Между тем знаменитейшие генералы 1812 года А. П. Ермолов, Н. Н. Раевский, П. П. Коновницын и многие другие находились у него в подчинении; именно он в ноябре 1825 года предотвратил вполне возможный народный «русский бунт, бессмысленный и беспощадный»... Вышедшая в серии «ЖЗЛ» биография графа Милорадовича — первое серьезное и подробное издание, ему посвященное.

те, mesdames, колдунья сказала мне, что через две недели я буду убит».

Знак судьбы или очередная легенда? Даже неизвестно, кто рассказал.

<...>

...Из всего ранее сказанного ясно, «что судьбами Отечества располагал один граф Милорадович». Лучше всех это понимал Николай Павлович — и он этого Милорадовичу не мог простить никогда...

Как бы там ни было, но и дворцовый караул, и Сенат, а вслед за тем — вся Россия принесли клятву на верность новому государю императору Константину I.

Законность присяги сомнений не вызвала: Константин не только был вторым сыном императора Павла, но еще и имел титул цесаревича. В народе он был гораздо более известен и популярен, нежели Николай.

«Когда в городе носились уже слухи о тяжелой болезни императора Александра I и начались толки, кто примет корону — Константин или Николай, кто-то спросил у Якубовича:

— Которого бы из двоих ты желал лучше видеть царем?

— Если уж нельзя ни того, ни другого, так уж, конечно, лучше давайте Константина; этот хоть, по крайней мере, старый кот, попадешься к нему в когти, так разом задушит, а не станет, как котенок, играть с мышкой».

русских и потому не имел в Петербурге приверженцев. Воспоминания, которые оставались о нем, не привлекали к нему публики, хотя многие, особенно придворные, вооружались против него. Гордость дам оскорблялась мыслью, что полька, и притом незнатного рода, может быть императрицей.

Молодые великие князья также не имели дара поселить к себе любовь, их особенно не любили военные. Однако же большая часть высшего круга желала иметь императором Николая. Надеялись, что при нем двор возвысится, что придворная служба получит опять прежний почет и выйдет из того ничтожества, в котором была при покойном государе и в которое еще бы более погрузилась при Константине».

Одна из причин нелюбви к Николаю и Михаилу Павловичам — их педантичное, механистическое отношение к военной службе, унаследованное ими от покойного папеньки, государя Павла Петровича.

«Осенью 1818-го года государю угодно было сделать мне милость, назначив командиром 2 бригады 1 гвардейской дивизии, т. е. Измайловским и Егерским полками. <...> Я начал знакомиться с своей командой и не замедлил убедиться, что служба шла везде совершенно иначе, чем слышал волю моего государя, чем сам полагал, разумел ее, ибо правила оной были в нас твердо влиты. Я начал взыскивать, но

Оригинальные супружеские утхи! Но ведь мы уже знаем, что Николай очень хотел царствовать, а значит, он должен был угождать своему венценосному старшему брату, прошедшему и возлюбившему «гатчинскую школу». Пусть даже всем другим такое его поведение приходится не по вкусу <...>

«Вообще в это время великий князь не имел приверженцев. Строгая справедливость, которую ставим себе в закон, сколько она доступна человеку, велит сказать, что нельзя ни укорять, ни винить в этом великого князя. Покойный государь Александр был подозрителен, имея тоже к тому сильный повод. Приобрести любовь, особенно войск, было бы со стороны великого князя более, нежели политическою ошибкою».

Сам Николай Павлович так описывал события тех дней:

«Исполнив присягу, я пошел к матушке, которую нашел уже в своих покоях, убитой горем, но в христианской покорности воле Божией. Я ей сказал, что исполнил священный долг своему государю и что все караулы, равно и бывший во дворце гр. Милорадович, генерал-адъютант кн. Трубецкой, генералы Кутузов, Потапов и многие другие вместе со мной присягнули.

Кн. Голицын был в Невском <монастыре> и, прискакав оттуда, потребовал меня; в

К. И. Бистром объявил о кончине императора, поздравил с новым императором Константином, поднял шляпу, воскликнул: "Ура!" — и слезы покатались из глаз его и многих воинов, бывших в походах с Александром, который называл их "любезными товарищами". По команде раздалось "ура!". Офицеры подписали присяжный лист в госпитальной комнате и с полком разошлись по казармам и по квартирам. С таким же настроением духа присягнули другие полки; чувство скорби взяло верх над всеми другими чувствами — и начальники, и войска так же грустно и спокойно присягнули бы Николаю, если бы воля Александра I была им сообщена законным порядком».

«Константин много раз говорил, что царствовать не хочет, и прибавлял: "Меня задуют, как задушили отца"».

«Когда же время пришло, Константин, как малый честный и себе на уме и скажи: "Нет! не заманите — не хочу!" — "Нет, брудер, твой черед! — иди!" — пишет ему откуда ни возьмись на царство Николай. "Не пойду! сами кашу заварили, сами и расхлебывайте!" (действительный отзыв). — "Ей, брат! быть беде: не поверят!"».

Впрочем, «Константин, конечно, изъявил прежде, что он отказывается от наследства, и теперь, что он не хочет власти, но все это было, когда власть не была в его руках, а теперь, когда вся обширная империя присягнула ему в верности, можно ли было ручаться, что он останется столько же равнодушен к власти? Он имел бы достаточно извинений для принятия престола, на который был возведен без предварительного своего согласия и в исполнение государственных законов о производстве».

«Будь они все частные лица, то могли быть оправданы различными побуждениями; но, как сановники, люди государственные, как правители, они все виновны: им следовало действовать по закону, а не предаваться увлечениям любви родственной или преданности безусловной подчиненности. Могут сказать утвердительно, что с обнаружением завещания 27 ноября все присягнули бы беспрекословно Николаю Павловичу. По крайней мере, восстание не имело бы предлогом вторичную присягу, при коей одна клятва нарушала другую клятву и обнаруживала незаконность первой».

Может быть, так, а может, и совсем наоборот:

«Один граф Милорадович смел бестрепетно высказывать свои убеждения и противиться всякому незаконному поползновению. Он держал в своих руках судьбу России и спас столицу от общего и всенародного возмущения, которое непременно бы вспыхнуло, если бы тотчас после кончины Александра потребована была присяга Николаю».

Так Россия вступила в смутную полосу междуцарствия.

Александр
Бондаренко

«Русский Баярд»

Генерал от инфантерии граф Михаил Андреевич Милорадович

исступлении, вне себя от горя, но и от вести во дворце, что все присягнули Константину Павловичу; он начал мне выговаривать, зачем я брату присягнул и других сим завлек, и повторил мне, что слышал от матушки, и требовал, чтобы я повинился мне неизвестной воле покойного государя. Я отверг сие неуместное требование положительно, и мы расстались с князем, я — очень недовольный его вмешательством, он — столько же моей неуступчивостью».

Между тем «в тот самый день, когда была принесена присяга <...>, вел. кн. Николай послал просить к себе действ. стат. сов. Федора Петровича Опочинина. Этот человек был некогда адъютантом Константина Павловича <...>.

Не было в Петербурге человека, который был бы ближе его к Константину Павловичу. Его и избрал вел. кн. Николай посредником между собой и братом и ему поручил ходатайство об уступке ему престола, напомнив его высочеству, что он сам добровольно, без всякого принуждения отрекся от наследства».

Кому и чему тут верить?

«Жители столицы узнали также 27-го ноября о кончине императора; их оповестили об этом повесткою за подписью Санктпетербургского обер-полицмейстера Шульгина 1-го, напечатанной на четвертушке серой бумаги, следующего содержания:

"Всевышнему господу Богу угодно было отозвать к себе обожаемого нашего монарха!

Его Императорскому Величеству государю императору Константину Павловичу учинена присяга его величеством великим князем Николаем Павловичем, государственным советом, святейшим синодом и войском.

При приказанию его сиятельства г-на Санктпетербургского военного генерал-губернатора, я извещаю о сем всех жителей столицы, дабы они, последуя долгу своему, обратились во храмы Божии и там, перед престолом Всевышнего, учинили такую же присягу на верность подданства государю императору Константину Павловичу установленным порядком.

Ноября 27-го дня, 1825 года».

«Я никогда не забуду той

минуты, когда 27 ноября, вышед с квартиры часу в 12-м утра, на повороте с Большой Морской на Невский проспект встречаю графа Александра Ивановича Апраксина со слезами на глазах.

— Что с вами, граф? — спросил я с удивлением.

— Как, разве вы не знаете? — Что такое?

— Наш незабвенный государь скончался.

— Не может быть! — вскрикнул я в первом изумлении, и действительно, мне это показалось невероятным, неестественным».

«В Петербурге все сословия и возрасты были поражены непритворною печалью; нигде не встретил я веселого лица. К вечеру вывели наш полк на улицу против госпиталя;

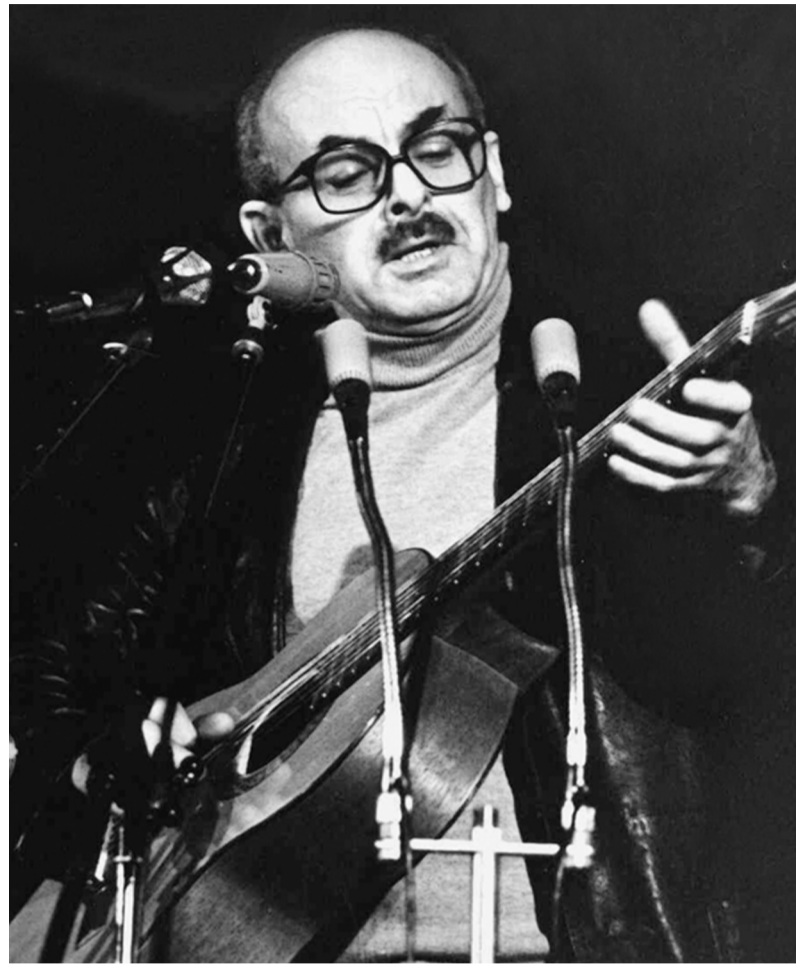

Объяснять российскому — бывшему советскому — человеку, кто такой Булат Окуджава, смысла не имеет. Жизни этого в полном смысле слова замечательного человека посвящена книга Дмитрия Быкова «Окуджава», только что выпущенная «Молодой гвардией». Думается, что и сам Быков — автор известной книги «Борис Пастернак», также вышедшей в нашей серии, в особом представлении не нуждается.

Историк Георгий Кнабе в 2001 году посвятил памяти Окуджавы статью «Конец мифа», в которой первыми архитекторами арбатского мифа названы Осоргин, Зайцев, Бунин, тоскующие в эмиграции по типичнейшей московской улице и сети оплетающих ее переулков. До советского читателя эта ностальгия докатилась во второй половине пятидесятых, когда начали печатать и комментировать эмигрантов (прежде всего Бунина). Тут подоспел и Окуджава со второй волной арбатской мифологии — при этом автор статьи развенчивает реальность, пожалуй, чересчур жестко:

мер 69. Это была новостройка: как вспоминал впоследствии одноклассник Окуджавы, Павел Соболев, в Москве в 1937 году открылось около ста новых школ — как говорили, под будущие госпитали. Вряд ли советская власть столь прицельно готовилась к войне, но школы, большие, светлые, по типовому проекту, строились. Окуджава после возвращения из Нижнего Тагила пошел в пятый класс школы № 107, что в Кривоарбатском переулке, а 1 сентября 1937 года был переведен в новостройку. Школа эта сейчас носит имя Окуджавы, но находится уже не на Арбате (старое здание снесено

интервью. Даже пылким поклонникам Булат Шалвович намозолил глаза своим Арбатом, превращенным с его легкой руки в главный символ Москвы. В конце концов это муссирование арбатской темы бумерангом ударило по самому Окуджава, да и по Арбату: из улицы решили сделать витрину и в начале восьмидесятых превратили ее в пешеходную зону с развесистыми фонарями (тут же пошла гулять острота «Арбат офонарел»). В действительности Окуджава жил на Арбате недолго, в общей сложности десять лет — с 1924-го по 1932-й и с 1938-го по 1940-й; в сознательном воз-

Дмитрий Быков

Дворянами во дворе

Наш современник
Дмитрий Быков

«Выяснилось, например, что прототип Ленки Королева был просто хулиган и мерзавец, что "на арбатском дворе" были не только "веселье и смех" и не только "играла радиода", но рядом с золотым и куча подлого. При этом — классическая черта мифа — осознаваясь как вымысел, тот же Арбат продолжал сохранять привлекательность, чем дальше уходил от реальности, тем упрямее окутывался в элегические тона». Конечно, никаким мерзавцем реальный Ленка (Гаврилов) не был, а что до хулиганства, то тихони во дворах не выживали: они либо пробирались через них бочком, либо мутировали, обрстая корой, адаптируясь к местным правилам. Кнабе прав в ином: дворы жили мыслями о войне, готовностью к ней. Характеры московских добровольцев отковывались там: «Живя в сознании, миф проникал в действительность и формировал ее. В 1941-м он привел в бесконечные очереди перед военкоматами тысячи жаждавших записаться добровольцами арбатских ребят — из 7-й школы с Кривоарбатского, из 9-й со Старокопненского, из 10-й с Мерзляковского, из 29-й с Дурновского».

Школа в Дурновском (ныне улица Композиторов) носила в действительности но-

при строительстве Калининского проспекта), а на улице Кулакова в Строгине. Есть там и маленький музей поэта — фотографии, воспоминания одноклассников.

Воспоминания Соболева рисуют совершенно иной, непривычный облик Булата: Иосиф Бак вспоминал заводилу, лидера, даже и хулигана, а Соболев рассказывал: «Часто прятался куда-то в уголок, тише воды, ниже травы. На семью-то обрушились репрессии, отца расстреляли, такое даром не проходит... Ездили мы вместе в Сокольники с ружьишком. Снежок выпал, каникулы начались зимние. Наберем лампочек перегорелых от радиоприемников и стреляем по ним. На Собачьей площадке тир был, в который мы вылезали прямо через окошко от Коробкова Юры». Только с Коробковым, Соболевым да еще с Борисом Мартиросовым Окуджава и сошелся в классе. В школе, впрочем, он появлялся все реже и неохотней, а учился так, что остался в седьмом классе на второй год. Истинная жизнь проходила во дворе.

Надо сказать несколько слов об арбатском дворе — том самом, которому посвящено столько стихов и песен Окуджавы, столько его устных ответов на записки и монологов в

расте — только эти два с половиной предвоенных года, которые его и сформировали.

Арбатский двор, как и любой московский, не был идиллическим местом. Слово «дворовый» никогда не имело в русском языке положительных коннотаций. Иное дело, что, называя себя «дворянином с арбатского двора», Окуджава имел в виду свой особенный статус — статус гордого люмпена, разоренного, утратившего все и с отчаяния кинувшегося самоутверждаться среди низов. В прочих сферах жизни господствовали иные иерархии, там для успеха требовались ложь и приспособленчество, и только во дворе еще возможно было самоутвердиться за счет подлинной храбрости и безрассудства. Главное же — во дворах не давали в обиду своих. Там соблюдался строгий, хоть и откровенно блатной кодекс чести: «наш» — не трагай. «Чужой» — уноси ноги. Отсюда некоторые — назовем вещи своими именами — неотъемлемые черты блатного кодекса в интеллигентской, особенно шестидесятичной, морали: отношения «свой — чужой» здесь важнее отношений «правый — неправый». Часто случается слышать от старых диссидентов-лагерников, что блатной закон гуманней и справедливей административного. Когда

Юлий Ким написал свою «Блатную диссидентскую» — «Мы с ним пошли на дело неумело», — он не так уж и преувеличивал. «Интеллигентия поет блатные песни», — с осуждением сказано в хрестоматийном стихотворении Евтушенко; да какие ж ей и петь, при ее-то биографии?

Поскольку почти вся интеллигентия (кроме небольшого прикормленного отряда) в советской России была гонима или по крайней мере подзвезаема, в ней легко укоренялись вынужденно-приблатненные повадки: априорное недоверие к официозу, «начальни-

кам», гордость от сознания непричастности к ним, презрение к «ссучившимся», продавшим себя за пайку; соблазн «труда со всеми сообща и заодно с правопорядком» был знаком немногим и строго осуждался молчаливым большинством. Штука в том, что большая часть этой городской интеллигентии, составившей впоследствии славу русской культуры, воспитывалась именно во дворах, где господствовали отнюдь не ангельские нравы — но культ двора стал общим местом шестидесятичной мифологии именно потому, что это был последний бастион, противопоставленный офици-

озу. Во дворе правила есть, и даже слишком жесткие; предательство здесь — самый страшный грех. И потому для всех, чьи родители репрессированы, двор становится последней защитой: в школе тычут пальцем — «троцкист», «сын врага народа!» Но во дворе ты остаешься своим, потому что здесь другие идентификации.

Именно поэтому начальство поначалу так невзлюбило песни Окуджавы, а уж Высоцкого и подальше, обзывая их блатными (в случае Окуджавы — без всяких оснований). Особенно доставалось песенкам вроде «А мы швейцару — отворите двери!», где в самом деле неконформизм и чувство собственного достоинства явлены на фоне ресторанного скандала. Дело было, конечно, не в том, что начальство так дорожило правосознанием и духовностью: просто оно чувствовало за блатным и дворовым фольклором особый, альтернативный кодекс, неготовность играть по чужим правилам, способность к против-

подлого до золотого» («Арбатское вдохновение», 1980). Было, стало быть, и подлое, и его хватало. Двор постепенно перестает быть альтернативой миру, тем отдельным царством, в котором свои справедливые короли и гуманные законы; у позднего Окуджавы два пространства — мир и двор — не столь уж принципиально отличаются. В 1991 году Окуджава в одном из интервью назвал мир двора «чудовищным, страшным»: «В нем столько было всякой мерзости — жулики, уголовники, проститутки. Грязь, матерщина. Но попробовал бы кто-нибудь сказать, что Чапаев — это смешно». Налицо общие ценности, Чапаева одинаково чтут и в школе, и во дворе, он — часть государственной мифологии. Двор структурирован как отдельное государство, но во многом копирует государство настоящее, с его вертикалью, лицемерием и нетерпимостью к изгоям. Кадры перетекают — один из героев двора, кривоногий Петя Кор-

блатными, чем с политически-ми; поэтому мифологизация двора вызвала у советского идеологического чиновничества легкое эстетическое отторжение на внешнем уровне, и то у немногих, — а на внутреннем глубоко одобрялось. Бандиты, а свои.

Те, кого воспитал двор, вписались в советский социум, нашли себя в нем: не без тренировок, конечно, — но ведь и во дворе никого не принимали в компанию сразу: изначальный конфликт даже способствовал интеграции, становилось ясно, кто чего стоит. А вот те, кто непримиримо ненавидел блатную субкультуру, не договорились и с советской властью, и это одна из причин, по которой вынужден был уехать Александр Галич. У него мы не найдем никакой дворовой романтики. В его песнях много значит дом, и то в метафорическом смысле («Песня об отчем доме» с явным намеком на страну проживания), но никакой умильной московской тополо-

стоянию, пусть невинному, бытовому; граница пролегла здесь, и неприятности Окуджавы в шестидесятые объясняются именно этим. Но потом — и это особенно симптоматично — произошло, что ли, привыкание. «На фоне Солженицына я был уже просто родной», — говорил мне Окуджава в последнем интервью. Проблема не только в «фоне»: ведь, как мы уже читали выше, именно дворовые короли первыми шли записываться в московское ополчение. Разногласия «дома» и «двора», властной элиты и дворовой аристократии — на самом деле глубоки, но не онтологичны. Есть общие ценности вроде Родины. Есть клановое сознание, в огромной степени свойственное и номенклатуре. Так что не только «интеллигенция поет блатные песни» — их поют и партчиновники, в рабочее время занятые их искоренением. Отсюда эволюция отношения Окуджавы к родному двору — один из самых увлекательных сюжетов его творчества.

В ранних песнях вроде «Леньки Королева» двор — тихий рай, «где пары танцевали, пыля», где все друг другу рады, где справляются веселые похороны мартовского снега; в поздних стихах все усложняется — «Меня воспитывал арбатский двор, все в нем, от

быв, выплясывает себе в ансамбле, в красном галстучке, аккуратист, и хотя Булата несколько корбит в Коробове, простите за каламбур, эта игра в пай-мальчика — он не видит в такой социальной мимикрии ничего зазорного и хотел бы быть на его месте.

Что до прекрасного дворового деления «свой — чужой» и фанатичной защиты своих, так и Советскому государству оно было вполне присуще, только критерий менялся... Именно поэтому государство не возражало против романтизации двора — пусть бандитского, пусть грязного: если Окуджаве-подростку двор представлялся прекрасной альтернативой жестокому и предательскому миру взрослых, то зрелый Окуджава отлично понимал, что и в государстве, и во дворе хватало вранья, нетерпимости, игр в кодекс и отступлений от этого кодекса... Иными словами, пресловутый выбор между произволом блатных и таким же произволом администрации со временем перестает быть принципиальным: оба одинаково жестоки. Да вдобавок подчас смыкаются между собой — как договаривались блатные с лагерной администрацией, по свидетельствам Шаламова. Администрация охотней идет на контакт с

гии, ни слова об арбатских ребятах, о «королях от Таганки до Филей» — словно и не в Москве жил человек. Нет, это не было особого рода независимостью. Это было зависимостью от других вертикалей и идентификаций, принципиально несветских. А залогом того, что Окуджава в конце концов окажется легализован в СССР (и здесь уже не принципиально разделение на власть и народ — в отношении к нему они оказались едины), — как раз и оказалось его отношение к арбатскому двору. Оно в чем-то сродни отношению к Родине: «Но Родина — есть предрассудок, который победить нельзя». Это то самое обожествление последних, крайних имманентностей, отказ от которых равносителен предательству. Для Окуджавы с его дворянским мировоззрением, в котором предрастудки важнее убеждений, врожденное сильнейшее приобретение, — Родина и двор, при всех их пороках, остались неотменимыми императивами. Их можно сколько угодно ругать, но необходимо защищать; с ними можно обмениваться упреками, но нельзя покинуть.

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНЫХ

ДВОЕЧНИКИ

Исаак Ньютон был едва ли не последним на школьной скамье, пока один из товарищей не стал его преследовать бесконечными насмешками над его тупоумием. Задетое самолюбие пробудило гения. Оскорбленный школьник сначала побил своего товарища, а вскоре оставил его далеко позади себя по успехам.

«Глупым мальчиком» называли учителя будущего знаменитого шведского натуралиста Карла Линнея, одного из величайших гениев XVIII столетия. Как самый неспособный ученик он был отдан в обучение сапожнику. Только благодаря случаю Линнею удалось вернуться к науке и занять в ней почетное место.

Трудно было предугадать в молодости будущего гения в лице немецкого натуралиста Александра Гумбольдта, который настолько отстал от своего брата Вильгельма, что и учителя, и мать были уверены, что способности мальчика слишком ограничены и недостаточны для умственной работы.

Английский писатель Свифт с таким скандалом провалился на экзамене в университете в Дублине, что профессора нашли бесполезным его дальнейшее пребывание в университете. Другой писатель Вальтер Скотт считался до того неспособным ребенком, что его имя стало нарицательным для тупиц. Когда он учился в университете, один из профессоров заявил, что он никогда не станет мыслящим человеком.

ХОД КОНЕМ

Постоянная игра в шахматы, само собой разумеется, влияет на всю мыслительную способность человека, и те из шахматистов, которые сделали эту игру своей профессией, нередко видят причудливые сны, имеющие отношение к игре.

Известный шахматист Ласкер рассказывал про себя, что однажды ему приснился следующий сон. Ему показалось, что конь его противника вскочил к нему на нос и сделал одновременно шаг правому и левому глазу. Первое время знаменитый чемпион никак не мог сообразить, каким образом он допустил подобный «зевок». Затем у него появилась утешительная мысль, что он может все-таки спасти один глаз. С другой же стороны, его волновало то обстоятельство, что он должен окриветь по собственному недосмотру. С этой мыслью он проснулся и почувствовал большое облегчение, поняв, что все это был только сон.

В БОЛЬНОМ ТЕЛЕ — ЗДОРОВЫЙ ДУХ

Говорят, гениальность граничит с безумием, что она есть счастливым недостатком мозга. Можно указать на целый ряд гениальных людей, развивавшихся в ненормальных условиях и причинивших в детстве немало огорчений своим родителям.

Вольгер, например, родился таким слабым ребенком, что боялись за его жизнь. Крестили его спустя несколько месяцев после рождения. Между тем он умер глубоким стариком. Таким же тщедушным явился на свет и Ньютон. Врачи долго опасались за его жизнь. Несмотря на свою славу и живой ум, Жан Жак Руссо всю жизнь был больным человеком. Он сам говорил об этом в «Исповеди»: «Я явился на свет хилым и больным». Фонтенель, до конца жизни сохранивший свои умственные способности, родился очень слабым и больным.

Вальтер Скотт сильно хворал в раннем детстве. Ему было около двух лет, когда его разбил паралич, отнялась правая нога, и он мог ходить только на костылях. Писатель Стивенсон хворал всю свою жизнь. В целях ее продления он переселился на острова Самоа, где и умер. Сознание своей хилости породило в знаменитом шотландском писателе стремление ко всему сильному, здоровому, дикому. Он обожал атлетический спорт и морские приключения. Большинство его произведений явились результатом этой его склонности. Известный французский художник Тулуз-Лотрек, изображавший на своих картинах атлетические игры, был калека.

У КОГО РОЖДАЮТСЯ ГЕНИИ

Гениальные люди редко бывают детьми молодых родителей. И почти никогда они не бывают первенцами. Из 74 взятых наудачу талантливых писателей, музыкантов, государственных деятелей только десятеро были старшими детьми в семье. Гениальность чаще всего встречается у самых младших детей. Фенимор Купер был одиннадцатым из двенадцати детей, Бальзак — последним из трех, Наполеон — восьмым, Франклин — последним из семнадцати, Рембрандт — последним из шести, Вагнер — седьмым, Моцарт — тоже седьмым, Шуберт — тринадцатым из четырнадцати. Родители почти всех великих людей родили их, будучи уже в зрелом возрасте.

ПО СТРАНИЦАМ НАШИХ КНИГ

СВЕКРОВЬ ИЗ ПРОВИНЦИИ

Согласно легенде, в дни пребывания двора в старой столице (фаворит и тайный муж императрицы Елизаветы Петровны Алексей Григорьевич) Разумовский выехал за несколько станций от Москвы навстречу матери, с которой не виделся более десяти лет. Розумиха долго отказывалась признать в роскошном, холемом вельможе в бриллиантах и кружевах своего Олешу, пока тот, мало смущаясь блестящей свиты, не разоблачился и не показал матери родимое пятно, о котором знала лишь она, да, может быть, Елизавета. Старушку переодели в фижмы, робу, причесали, нарумянили и повезли во дворец, где она тотчас пала на колени, приняв за императрицу собственное отражение в гигантском золоченом зеркале. Но потом окруженная любовью

сына и обласканная императрицей Наталья Демьяновна быстро освоилась в Москве.

Из книги Е. Анисимова
«Елизавета Петровна»

ПОЧТИ АНЕКДОТ

Один из эпизодов экзаменационной лояльности известного русского астронома Федора Александровича Бредихина (1831—1904), преподававшего в Московском университете, был таков. Студентов, пришедших сдавать экзамен по астрономии, «гостеприимный» Бредихин порадовал сразу же, объявив: «Раз вы пришли на экзамен, значит, господа, на тройку знаете. Желающие получить тройку, сию студенческую спасительницу, подходите, спрашивать не стану». Потянулись с зачетными листами более половины курса, получили тройки и ушли вполне удовлетворенные. «Раз вы остались, — продолжил ученый, — то на четверку, верно, знаете. Подходите желающие». Подошло еще несколько студентов, получили свои четверки и радостно удалились. С немногими оставшимися Федор Александрович слегка побеседовал о космическом и земном, поставил всем пятерки и на том экзамен закончился.

Из книги В. Будакова «Снесарев»

ЗАБЫВЧИВЫЙ ГРАФ

Однажды Христофор Бенкендорф был у кого-то на бале. Бал довольно поздно окончился, гости разъехались. Остался друг перед другом только хозяин и Бенкендорф. Разговор шел плохо: тому и другому хотелось отдохнуть.

Хозяин, видя, что гость его не уезжает, предложил пройти в кабинет. Бенкендорф, поморщившись, ответил: «Пожалуй, пойдем». В кабинете им не легче. Бенкендорф, по своему положению в обществе, пользовался большим уважением, и хозяин не мог объявить напрямик, что пора бы гостю ехать домой. Прошло еще некоторое время; наконец хозяин решился: «Может быть, экипаж ваш еще не приехал, не прикажете ли, я велю заложить вам свою карету». — «Как вашу карету? Да я хотел предложить вам свою!» Дело объяснилось тем, что Бенкендорф вообразил, что он у себя дома, и сердился на хозяина, который у него так долго засиделся.

Из книги Д. Олейникова
«Бенкендорф»

ВСТРЕЧИ-ПРЕЗЕНТАЦИИ НА СТЕНДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ XXII ММКВЯ (2—7 сентября 2009 г.)

3 сентября /четверг/

12.00 Д. Володихин «Митрополит Филипп»
14.00 А. Беляков «Алла Пугачева»
16.00 С. Рыбас «Сталин»

4 сентября /пятница/

12.00 Е. Анисимов «Багратион», А. Бондаренко «Милорадович», Л. Ивченко «Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года»
14.00 Презентация книг «ЖЗЛ: Малая серия» — Н. Старосельская «Виктор Авилов», С. Марков «Михаил Ульянов»
15.00 В. Эрлихман «Король Артур»

16.00 Д. Быков «Булат Окуджава»

5 сентября /суббота/

12.00 М. Левитин «Таиров»
14.00 Л. Сараскина «Солженицын»
16.00 А. Варламов «Михаил Булгаков», О. Лекманов «Осип Мандельштам»

6 сентября /воскресенье/

12.00 М. Макарычев «Фидель Кастро»
14.00 Д. Олейников «Бенкендорф», И. Курукин, Е. Никулина «Повседневная жизнь Тайной канцелярии»

КНИЖНАЯ ВИКТОРИНА

Уважаемые читатели!

Мы предлагаем вам ответить на десять вопросов, посвященных биографиям замечательных людей. Читатели, правильно и первыми ответившие на все вопросы (дата ответа определяется по почтовому штемпелю на конверте или датировке электронного сообщения), получают приз: книгу серии «ЖЗЛ» по своему выбору. Поэтому, отправляя в редакцию ваши ответы, укажите, пожалуйста, какая книга серии «ЖЗЛ», из выпущенных в последние пять лет, вас интересует. Если вы правильно и оперативно ответили на все вопросы — эта книга будет ваша.

Итак, десять вопросов о жизни замечательных людей:

1. В каких отношениях находился с императором Николаем I замечательный русский поэт, печатавший свои стихи под псевдонимом К. Р.?
2. Автор семи книг серии

«ЖЗЛ», впоследствии сам ставший героем книги, вышедшей в этой серии.

3. Как звали няню Александра Сергеевича Пушкина — фамилия, имя, отчество?

4. «Призрак бродит по Европе...» — кто автор этих воистину мистических строк?

5. Художник В. А. Серов телеграфировал С. П. Дягилеву: «В этом доме я больше не работаю». О каком доме шла речь?

6. Кто автор этих некогда широко известных стихов: «Иван Иваныч Самовар Был пузатый самовар, Трехведерный самовар»?

7. Какая по счету пуля оказалась роковой для короля Карла XII?

8. Как был казнен гетман Мазепа?

9. В каком военно-учебном заведении получил образование президент Финляндии барон Густав Маннергейм?

10. Какие сигареты и до какого времени курил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев?

Желаем успеха! Отвечайте по адресам редакции, указанным в нашей газете.

ЧАЙНВОРД

Думается, решение этого чайнворда не составит труда для знатоков и любителей серии «Жизнь замечательных людей» — о каждом из названных здесь персонаже не так давно была выпущена одноименная книга «ЖЗЛ»:

1. Легендарный слепец, открывший нам глаза на жизнь Древнего мира. 2. Кардинал, более всего прославившийся как друг Миледи и враг д'Артаньяна (кстати, биография последнего тоже вышла в серии «ЖЗЛ»). 3. Покоритель Сибири, прославленный художником Суриковым. 4. Правитель Сибири, прославленный артистом Хабенским. 5. Талантливый итальянский художник (1571—1610), известный своим таинственным творчеством и загадочной судьбой. 6. «Дитя Арбата» с кавказскими корнями. 7. Анна Андреевна Горенко — это известная поэтесса Анна... 8. В переводе с турецкого его фамилия означала «Отец турок». 9. «Передо мной явилась ты», — написал о ней поэт, а звали ее — Анна... 10. Римский император, большой любитель театра, отличавшийся странными фантазиями.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ жемчужины издательского самотека

Но отбросим в сторону сломанную ногу нашего героя и вернемся к его покойной жене.

Она не замедлила показать свою красоту в развернутом виде.

Всякая женщина недостаточно горячего мужчины вынуждена будет в конечном итоге лязгать зубами от недогретости.

Особой популярностью у туземцев пользовались козы, дающие козьё молоко.

Их губы были завязаны гордиевым узлом.

Наши пальцы прозрели и наши ласки долго не могли найти зazor между сновидением и явью.

Он овладел мною в купе скорого поезда, воспользовавшись моей доверчивостью и беззащитностью, сославшись на лунатизм.

